

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В.В. ВИНОГРАДОВА

На правах рукописи

ПЕТРУХИН Павел Владимирович

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ
И УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН
В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

Специальность 10.02.01
Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2003

Работа выполнена в Институте русского языка им. В.В. Виноградова

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор **В.М. Живов**

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук **Т.В. Рождественская**
кандидат филологических наук **А.А. Гиппиус**

Ведущая организация – Институт языкознания РАН (Москва)

Защита состоится _____ на заседании диссертационного совета Д 002.008.01 в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН по адресу: Москва, ул. Волхонка, 18/2

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Автореферат разослан _____ 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук

В.Г. Демьянов

В реферируемой работе рассматривается целый комплекс вопросов, связанных с употреблением прошедших времен в восточнославянских летописях. Несмотря на многочисленные исследования, посвященные данной проблеме, до сих пор здесь возникает масса трудностей даже при обращении к столь основательно изученным ранним памятникам, как Повесть временных лет или Новгородская первая летопись. Что же касается поздних летописей, значительно реже привлекавших внимание историков русского языка, то они вообще остаются во многом неисследованными с лингвистической точки зрения. Этим определяется **актуальность** диссертации, предлагающей новый взгляд на отдельные малоизученные или спорные аспекты функционирования глагольной системы древнейших летописей, а также разносторонний анализ семантики и употребления претеритов в одном из крупнейших летописных памятников XVII в.

Новизна работы заключается в том, что частные вопросы, относящиеся к использованию претеритов в различных по времени написания и составу летописях, рассматриваются не изолированно, но в свете истории летописного языка в целом. Сопоставляя явления, наблюдаемые в ранних и поздних летописях, прослеживая их «судьбу» на протяжении всей истории русского летописания, можно не только обнаружить изменения в летописном узусе (или, напротив, консервацию некоторых явлений), но и в ряде случаев *объяснить*, почему узус меняется тем или иным образом, а также понять общую природу подобных изменений.

Соответственно, **цель диссертации** состоит в том, чтобы выявить некоторые закономерности развития летописной системы претеритов. Для ее достижения требуется выполнение следующих **задач**:

пересмотреть отдельные аспекты традиционной концепции употребления прошедших времен в древнейших летописях;

проследить изменения в функционировании претеритов на всей длине Пискаревского летописца первой трети XVII в.;

сравнить данные древнейших летописей и Пискаревского летописца.

Вторая из перечисленных задач предполагает исследование *лингвистической гетерогенности* летописи. В определенной степени присущая уже древнейшим текстам¹, данная особенность ярче всего проявляется в поздних летописных сводах. Это обусловлено тем, что поздние летописи, как правило,

¹ См.: А.А.Гиппиус. Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи. АКД, 1996.

компилируются из разных источников, языковые характеристики которых в той или иной мере сохраняются при компиляции. Как пишет А.А.Гиппиус², «[л]ишь в последнее время проблема языковой гетерогенности летописей всерьез обратила на себя внимание исследователей. Введение этого фактора в лингвистический анализ летописных текстов позволило обнаружить постепенность протекания ряда языковых изменений, уточнить их хронологию и сделать некоторые общие выводы относительно механизмов языковой преемственности». Лингвистическая гетерогенность поздних летописных сводов, в частности, дает уникальную возможность проанализировать эволюцию глагольной системы летописного языка.

Методика исследования. Специфика языка древнерусских летописей делает нетривиальным вопрос о выборе подходов к его исследованию. Дело в том, что в летописях (на всех уровнях языкового устройства – фонетическом, морфологическом, синтаксическом) используются элементы как церковнославянского, так восточнославянского происхождения³, в связи с чем многие исследователи видели основную задачу в определении генетического статуса того или иного элемента. Однако продуктивность данного подхода весьма ограничена: как отмечает В.М.Живов⁴, «само по себе происхождение элементов не определяет связанных с ними социокультурных коннотаций, существенно не происхождение элемента, а его квалификация в языковом сознании носителей, т.е. не генетические, а функциональные параметры»; генетически разнородные элементы в древнерусской книжной письменности подвергались переосмыслению в функциональных

² Ibid. С.2. Данное направление представлено также следующими работами: E.Klenin. The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377 // R.A.Maguire and A.Timberlake (eds), American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava, August-September 1993. Literature.Linguistics. Poetics, Columbus, Ohio, pp.330-343; В.М.Живов. Usus scribendi. Простые претериты у летописца-самоучки // Russian Linguistics, 1995, vol. 19, pp.45-75 (на материале Мазуринского летописца XVII в.); А.Тимберлейк. Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи // Вопросы языкознания, 1997, № 5. С.66-86; А.А.Гиппиус. К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // А.А.Гиппиус, Е.Н.Носов, А.С.Хорошев (ред.). Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л.Янина. М., 1999. С.345-364; его же, *Рекоша дружина Игорев...* К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics, 2002, vol. 26, pp.147-181.

³ Поэтому летописный язык характеризуется как *гибридный* церковнославянский, см. об этом термине: В.М.Живов. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1988. С.49-98.

⁴ В.М.Живов. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С.19.

категориях⁵. Действительно, функциональный анализ позволяет обнаружить вполне осмысленные, системные отношения между элементами разного происхождения там, где генетически ориентированный подход видит не более чем хаотическое смешение форм, вызванное интерференцией разговорного узуса.

Функциональный подход допускает, что семантика и употребление языковых единиц может существенно варьировать в зависимости от контекста, поэтому в работе последовательно соблюдаются следующие принципы:

1. Язык каждого включенного в рассмотрение летописного памятника анализируется не в контексте противопоставления книжного и разговорного языков, а как самостоятельная система⁶. Разумеется, это не исключает сравнения летописного узуса с разговорным (некнижным) – напротив, такое сравнение представляется очень полезным, однако эти две задачи должны быть разграничены.

2. Опираясь на введенное Э.Бенвенистом⁷ противопоставление плана речи (*plan de discours*) и плана повествования (*plan de l'histoire*), а также на идеи Е.В.Падучевой⁸ о наличии двух «режимов интерпретации» языковых единиц – речевого и нарративного, мы рассматриваем употребление видо-временных форм в нарративе отдельно от их употребления, скажем, в диалоге или в репликах летописца «от первого лица».

3. Широко используется дискурсивно-прагматический анализ, в соответствии с которым в повествовании выделяются «передний план» (*foreground*) и «фон» (*background*)⁹: выбор глагольной формы не в последнюю очередь зависит от того, относится ли обозначаемое событие к первому или ко второму.

Таким образом, проводится последовательное разграничение типов контекстов в зависимости от: языкового регистра¹⁰ (стандартный и гибридный церковнославянский, разговорный,

⁵ Указ. соч. С.20-30.

⁶ Ср.: В.М.Живов. Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. М., 1998. С.212-247.

⁷ Э.Бенвенист. Отношения времени во французском глаголе // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974. С.270-284.

⁸ Е.В.Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

⁹ См.: P.Hopper. Aspect and foregrounding in discourse // T.Givón (ed.), *Syntax and Semantics 12: Discourse and Syntax*. New York: Academic Press, 1979, pp.213-241.

¹⁰ О регистрах древнерусской письменности см.: В.М.Живов. Язык и культура... С.31-41.

деловой и т.д.); типа текста (летописное повествование, воинская повесть и т.д.); коммуникативной ситуации (нарратив, диалог и т.д.); прагматического контекста (foreground – background).

В работе также привлекаются типологические данные. Как показали Дж.Байби и Э.Даль¹¹, грамматические показатели, аналогичные с формальной и семантической точки зрения, как правило, демонстрируют одну и ту же (или очень похожую) эволюцию («путь грамматикализации») в самых разных языках. Тем самым, типологическое сравнение может многое прояснить как в синхронной семантике, так и в истории грамматического показателя.

Теоретическая и практическая значимость работы. Работа демонстрирует продуктивность использования в исторической русистике нетрадиционных для нее методов дискурсивно-прагматического анализа. Некоторые из сделанных в работе выводов представляют интерес с культурологической точки зрения.

Результаты исследования могут быть использованы в курсах по истории русского языка и спецкурсах, посвященных древнерусской глагольной системе, а также при переводе древнерусских летописей на современный язык.

Материалом исследования послужили следующие летописные памятники: Лаврентьевская летопись по списку 1377 г. (Лавр.) по изд.: Полное собрание русских летописей, т. I; Ипатьевская летопись по списку XV в. (Ипат.) по изд.: ПСРЛ, т. II; Новгородская первая летопись по Синодальному списку XIII-XIV (НПЛ) по изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (под ред. и с пред. А.Н.Насонова). М.; Л., 1950; привлекаются также списки младшего извода НПЛ середины XV в. – Академический и Комиссионный (там же); Пискаревский летописец первой трети XVII в. по изд.: ПСРЛ, т. XXXIV; Мазуринский летописец последней четверти XVII в. по изд.: ПСРЛ, т. XXXI.

Апробация работы. По теме диссертации были сделаны доклады на конференции «Историческая память и формы ее воплощения» (XII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто, Москва, Институт всеобщей истории РАН, апрель 2000 г.), на Семинаре по истории русского языка и культуры под руководством В.М.Живова (Москва, ИРЯ, май 2002) и на Аспектологическом семинаре филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (март 2003).

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав и заключения; к первой и второй главам имеются приложения.

¹¹ J.L.Bybee, Ö.Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies in Language 1989, 13, 1: 51-103.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** приведены общие сведения о древнерусской системе прошедших времен и проблемах ее изучения; намечены цель и задачи работы, ее теоретические и методологические основы.

Глава 1. Консекутивный имперфект в ранних восточнославянских летописях

В **разделе 1.1.** обсуждаются общие особенности синтаксического строя древнерусских летописей. Такое вступление необходимо, поскольку функционирование летописных претеритов во многом зависит от синтаксиса. В древнейших летописях повествование строится в основном по принципу линейного хронологического развертывания, иконически отражающего порядок следования событий, отсюда преобладание в нем *паратаксиса*, т.е. последовательного соединения простых предложений при помощи сочинительных союзов. По мере развития летописной традиции происходит нарастание *гипотаксиса*, связанное с общим усложнением риторической структуры повествования.

Паратаксическую цепочку можно представить как несколько упрощенную модель канонического летописного нарратива. Принято считать, что в нем последовательные события передаются с помощью аориста, а имперфект сообщает фоновую информацию. Задача данной главы – показать, что на самом деле имперфект тоже может обозначать новое событие в нарративной цепочке. Такой имперфект мы называем *консекутивным*.

В **разделе 1.2.** приводятся примеры консекутивного имперфекта (далее КИ). Так, в (1)–(3) имперфект следует в нарративной цепочке за аористом и при этом обозначает новое событие:

- (1) и послуша ихъ Игорьъ. иде в Древа в дань. и примышляше къ первой дани и насилише имъ. и мужи его (Лавр., л. 14 об.)
- (2) и поча жити ту (св. Антоний) моля Бога <...> посемь же увѣдѣша добрии чловѣци. и приходяху к нему. приносяще же ему еже на потребу бѣ. (Лавр., л. 53)

КИ может предшествовать не только аористу, но и обороту дательного самостоятельного, а также краткое действ. причастие прош. времени, ср.:

(3) В лѣто 6411. Игоревѣ же възрѣстьшо. и хожаше по Олзѣ и слушаша¹² его. и приведоша ему жену от Пьскова. именемъ Олену (ПСРЛ, т. I, л. 14 Р. об.)

Консекутивная функция позволяет имперфекту конкурировать в нарративе с аористом (**раздел 1.3.**). Сравним разные списки ПВЛ (Лавр. и Ипат.), где в одинаковом контексте от одной и той же глагольной основы образуется в первом случае аорист, а во втором – имперфект:

(4) И при 9-мь часѣ испусти духъ Иусъ. и церковная запона раздрася надвое. и мертвии въстяху мнози. имъже повелѣ в рай быти (Ипат., л. 40 об.; Лавр., л. 35 об. – всташа)

(5) И ту абые повелѣ копати. преки трубамъ. и переяша воду. и людье изнемогаху жажею водною. и предашася (Ипат., л. 41 об.; Лавр., л. 37 об. – изнемогоша)

В современном литературном русском языке взаимная мена форм СВ и НСВ в подобных контекстах едва ли возможна. В **разделе 1.4.** выясняется, почему это так. Действительно, семантические свойства древнерусского имперфекта и современного НСВ, приводимые обычно в лингвистических описаниях, в общем, совпадают – это обозначение процесса, состояния или повторяющегося события¹³. Тем не менее, имперфект может выступать в консекутивной функции, а современный НСВ – нет.

Эту разницу хорошо иллюстрируют переводы древних летописей на современный русский. Так, в переводе ПВЛ Д.С.Лихачева¹⁴ КИ часто соответствует л-форма СВ (ср. перевод примера (1) – «и прибавил к прежней дани новую») или конструкция «стать + инфинитив», ср.:

(6) Антонию же приде Кыеву. и мысляше кдѣ бы жити (Лавр., л. 53) – «и стал думать»

Когда же Лихачев – очевидно, с целью приблизить перевод к языку оригинала – использует формы НСВ, это воспринимается как стилизация, нарушающая нормы современного языка, ср. перевод примера (2): «Потом узнали добрые люди и приходили к нему, принося все, что ему требовалось» – надо сказать: и стали приходить; пример (3): «Когда Игорь вырос, то сопровождал Олега и слушал его» – надо: стал сопровождать.

¹² В Троицком и Академическом списках – *слушаше*. Этот текст в ПСРЛ, т. I приводится по Радзивиловскому списку, поскольку в Лавр. здесь пропуск.

¹³ В данном случае мы можем отвлечься от вопроса о наличии у имперфекта общефактического частного значения.

¹⁴ Повесть временных лет. Т. 1-2 / Подготовка текста, перевод и примечания Д.С.Лихачева. М.: Л., 1950.

Очевидно, асимметрия в употреблении древнерусского имперфекта и современного НСВ объясняется тем, что при схожей денотативной семантике они имеют различные дискурсивные свойства, т.е. подчиняются разным правилам линейного соположения в связном тексте¹⁵. Действительно, как пишет Е.В.Падучева¹⁶, русскому НСВ прош. свойственно «сопротивление ингрессивной интерпретации»: необходимы специальные языковые средства – показатель начинательности, обстоятельство длительности или временное наречие – «для того, чтобы «сдвинуть» время в ситуации, когда форма НСВ должна быть употреблена после формы СВ: при прямом соположении СВ и НСВ время, занимаемое имперфективной ситуацией, скорее, синхронно тому моменту, который фиксируется предшествующей формой СВ». Напротив, имперфекту ингрессивная интерпретация не противопоказана, причем для этого не требуется никаких специальных средств.

Непонимание этого расхождения приводит не только к стилистическим шероховатостям, но и к прямым смысловым ошибкам. Так, следующий фрагмент:

(7) В лѣто 6491. Иде Володимеръ на Явтяги. и побѣди Явтяги. и взя землю их. и иде Киеву. и творяше потребу кумиромъ. с людьми своими (Лавр., л. 26)

Д.С.Лихачев переводит: «И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими».

Помимо того, что беспредложный дательный (локатив) в *иде Киеву* следует понимать как '(пошел) в Киев', а не 'к Киеву'¹⁷, совершенно ошибочен перевод *творяше* с помощью деепричастия: получается, что жертвоприношения совершались *на пути* к Киеву, а не в самом городе, что противоречит смыслу рассказа, где явно имеются в виду *киевские* «кумиры» – те самые, которым были принесены в жертву жившие в Киеве варяги-христиане (в том же рассказе) и которые всего несколько лет спустя (после крещения Руси) будут свергнуты тем же князем Владимиром.

Перед нами вполне закономерный результат интерпретации летописной фразы сквозь призму современной видовой семантики: в

¹⁵ О различии между денотативной и дискурсивной семантикой см.: В.А.Плунгян. К дискурсивному описанию аспектуальных показателей // Сборник статей к 70-летию В.С. Храковского (в печати).

¹⁶ Указ. соч. С.363-364.

¹⁷ Характерно, что в более поздних списках ПВЛ (Ипатьевском, Радзивиловском, Академическом) вместо *иде Киеву* находим *при(и)де къ Киеву*; см. о такого рода заменах: А.А.Пичадзе. Предлог *къ* после глаголов движения при названиях городов в древнерусских оригинальных и переводных памятниках письменности // Вопросы языкознания, 1996, № 6. С.106-116.

полном соответствии с правилами последней (ср. выше цитату из Падучевой) Лихачев воспринимает ситуацию, обозначенную имперфектом (=НСВ), как синхронную предыдущей ситуации, указанной аористом (=СВ). Подобных ошибок можно избежать, если иметь в виду несоответствие правил согласования видо-временных форм в современном языке и в древнерусском.

В **разделе 1.5.** ставится вопрос о том, как и когда могло возникнуть такое несоответствие. К сожалению, любые рассуждения здесь остаются в высокой степени гипотетичными, поэтому данный раздел призван, скорее, наметить проблему, чем решить ее.

Прежде всего, автор, вслед за Г.А.Хабургаевым¹⁸, исходит из того, что к моменту появления на Руси первых письменных памятников имперфект уже отсутствовал в восточнославянских диалектах (а скорее всего, изначально был им чужд), и, вслед за Ю.С.Масловым¹⁹, полагает, что к этому времени категория вида здесь уже в общих чертах сформировалась. Следовательно, семантика НСВ неизбежно «накладывалась» на семантику книжной формы имперфекта, откуда возможны два варианта: либо древнерусский НСВ в отличие от современного допускал ингрессивное употребление, чем и обусловлена соответствующая функция имперфекта, либо в этом пункте древнерусский и современный язык совпадали, и тогда использование имперфекта в консеквтивных контекстах есть результат ориентации на образцовые церковнославянские памятники, в которых летописцы могли находить подобные употребления. Первая возможность обсуждается в Приложении к данной главе; вторая также не исключена: как пишет И.К.Бунина²⁰, в старославянских текстах имперфект широко используется «для обозначения действий, составляющих одно из последующих звеньев в цепи событий». Решительно предпочесть один из этих вариантов не позволяет почти полное отсутствие в нашем распоряжении некнижных нарративных текстов, которые могли бы пролить свет на употребление СВ и НСВ в древнейший период.

Раздел 1.6. Существуют ли какие-либо ограничения на употребление КИ? В ряде работ (в основном на материале

¹⁸ Г.А.Хабургаев. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Г.А.Хабургаев, А.Бартошевич (ред.). Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М., 1991. С.42-54.

¹⁹ Ю.С.Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961.

²⁰ И.К.Бунина. Система времен старославянского глагола. М., 1959. С.107.

английского языка) высказывалась гипотеза, что ингрессивное употребление допускают не все глагольные формы, обозначающие имперфективную ситуацию, а лишь относящиеся к определенному таксономическому классу: например, предельные в отличие от непредельных. Д.Даути²¹ подверг критике эту точку зрения, показав, что значение имеет лишь прагматический контекст, в котором употреблена форма. Наблюдения над древнерусским материалом приводят к тому же выводу. Во-первых, КИ передает длительные ситуации (основное значение имперфекта), во-вторых, он как правило используется в тех случаях, когда между двумя событиями имеется тесная логическая связь, так что имперфективная ситуация является прямым следствием предыдущего события и разворачивается на фоне созданного им результирующего состояния.

В **разделе 1.7.** прослеживается дальнейшая судьба КИ в истории летописной традиции. До сих пор речь шла только о ранних летописях, между тем, КИ регулярно встречается и в поздних текстах, ср.:

(8) Того же лета князь Олег рязанский приде ратью к городу Любутьску, граждане же затворишася и бяхуся с ними из города (ПЛ, л. 412)

Но если в ранний период употребление КИ в книжных текстах могло поддерживаться аналогичной функцией НСВ в разговорной речи, то в XVII в., когда категория вида в восточнославянском уже вполне оформилась, такой поддержки, по-видимому, не было. В то же время, поскольку в живом языке к этому времени простые претериты были уже безусловно утрачены, их использование в языке книжном, судя по всему, должно было определяться механизмом пересчета: вместо СВ прош. пиши аорист, вместо НСВ прош. – имперфект. Однако летописцы не забывали КИ несмотря на то, что в их разговорной речи в аналогичных контекстах скорее всего выступала л-форма СВ. Этот феномен можно объяснить только ориентацией на образцовые тексты, в частности, на более ранние летописи²². Перед нами, таким образом, любопытный пример действия преемственности в рамках письменного узуса.

В **Приложении** к первой главе КИ рассматривается в контексте противопоставления видовых систем современного русского и чешского языков. Сравнительному анализу функций СВ и НСВ в

²¹ D.Dowty. The effect of aspectual class on the temporal structure of discourse: semantics or pragmatics? // Linguistics and Philosophy 1986, 9 (1), pp.37-61.

²² О механизмах пересчета и ориентации на образцы в поздних летописях см.: В.М.Живов. Usus scribendi...

русском и чешском посвящен целый ряд работ²³. В частности, в относительно недавней монографии А.Стуновой²⁴ выделены три важных различия: в контексте кратности чешский язык допускает как НСВ, так и СВ (первый встречается несколько чаще), русский – только НСВ (мы не берем здесь особые случаи, например, модально окрашенные контексты), то же самое – в презенсе (включая настоящее историческое); в нарративе чешский также использует оба вида (чаще СВ), русский – только СВ.

Последний пункт означает, что чешский НСВ, в отличие от русского, допускает ингрессивную интерпретацию, что сближает его с древнерусским имперфектом. Но этим сходство не ограничивается: еще по крайней мере в одном из перечисленных контекстов употребление видов в книжном древнерусском, по-видимому, ближе к чешскому, чем к современному русскому, а именно, в контекстах кратности (итеративных и хабитуальных) – ср. проанализированный Ю.С.Масловым²⁵ имперфект от основы СВ, встречающийся в «кратно-цепных» контекстах. В обоих случаях соответствующие явления в древнерусском выражены статистически слабее, чем в чешском, но сама аналогия примечательна.

Сложнее обстоит дело с третьим типом контекстов – презенсом: по наблюдениям Е.А.Горбуновой (Мишиной)²⁶, в памятниках XI–XIV вв. «цепочки глаголов СВ, обозначающие последовательные действия в настоящем историческом», не встречаются. Впрочем, это, возможно, объясняется тем, что в данный период настоящее историческое как прием повествования еще не было освоено древнерусскими книжниками: уже в текстах XV в. (по спискам XVI в.) оно довольно хорошо представлено, причем как формами НСВ, так и формами СВ²⁷. В то же время, показательны такие примеры

²³ Начиная с монографии: Св. Иванчев. Контекстово обусловена ингрессивна употреба на глаголите от несвършен вид в чешския език // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1959/1960. Т. 65, 3. София, 1961.

²⁴ A.Stunová. A contrastive study of Russian and Czech Aspect: Invariance vs. Discourse. Amsterdam, 1993.

²⁵ Ю.С.Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. М., 1954, вып. 1. С.68-138.

²⁶ Е.А.Горбунова. Функционирование настоящего исторического в восточнославянских памятниках XI-XV веков // *Annali dell'Istituto universitario Orientale di Napoli* (Dipartimento di studi dell'Europa orientale. Sezione Slavistica), 1997-1998, 5, p.261.

²⁷ *Ibid.*, pp. 261-262. Ср. также: А.В.Бондарко. Настоящее историческое глаголов НСВ и СВ в языке русских памятников XV-XVII вв. // Уч. Зап. ЛГПИ им. А.И.Герцена, т. 173, 1958.

презенс СВ в ранних восточнославянских памятниках, как «презенс напрасного ожидания»²⁸ или географические описания (ср. знаменитое описание пути «из варяг в греки» в ПВЛ), также находящие параллели в чешском.

Таким образом, соотношение между тремя языками можно представить в виде следующей таблицы:

	совр. русский	чешский	др.-р. летописи
контекст кратности	НСВ	НСВ/СВ	НСВ/СВ
презенс	НСВ	НСВ/СВ	НСВ/СВ(?)
нарратив	СВ	СВ/НСВ	СВ/НСВ

А.Стунова объясняет различия между русским и чешским тем, что в первом выбор формы СВ и НСВ производится на дискурсивном уровне, в то время как для второго важнее внутренняя структура ситуации и лексическое значение глагола. С точки зрения теории грамматикализации это означает, что в чешском категория вида менее грамматикализована по сравнению с русским: обычно по мере грамматикализации той или иной морфологической категории возрастает роль дискурсивных ограничений в употреблении относящихся к ней показателей. Отсюда можно думать, что сходство между чешским и древнерусским неслучайно и объясняется незавершенностью формирования категории вида в последнем (по сравнению с современным русским языком).

Важный теоретический вывод из этого сопоставления состоит в том, что дискурсивные свойства грамем, несмотря на их производный, «вторичный» характер (обычно подчеркиваемый сторонниками инвариантного подхода к грамматической семантике), имеют все же принципиальное значение для описания языковой системы и сами могут носить системный характер. Так, из приведенной таблицы видно, что КИ – явление, на первый взгляд, незначительное и периферийное – на самом деле может быть вполне закономерным и даже предсказуемым элементом системы.

Глава 2. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку.

Если в первой главе разбирались особенности построения летописной нарративной цепочки, т.е. изложения последовательных событий, то вторая, напротив, посвящена языковым явлениям,

²⁸ См.: А.А.Зализняк. Об одном употреблении презенса совершенного вида («презенс напрасного ожидания») // Z.Saloni (red.), *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990. С.109-114.

связанным с нарушением нарративной последовательности. Типичный случай такого нарушения – обращение рассказчика к событию, происшедшему ранее другого события в прошлом. Это значение обычно связывают с плюсквамперфектом (ППФ), однако в древнерусских летописях конкуренцию ему составляют другие формы прошедшего времени – аорист, имперфект и перфект (ПФ) (обычно без связки). Природа этой конкуренции отнюдь не очевидна. В частности, исследователи неоднократно отмечали отсутствие ясности в соотношении между книжной формой ППФ и ПФ в значении предпрошедшего.

В **разделе 2.0.** приводятся различные гипотезы, выдвигавшиеся на этот счет, – от недифференцированного употребления обеих форм вследствие разрушения старой временной системы²⁹ до стилистического противопоставления, при котором, «возможно, в таких контекстах плюсквамперфект воспринимался как несколько более литературная форма, чем перфект»³⁰. Но несмотря на разнообразие мнений, нам не известно ни одной специальной работы на эту тему. Задача данной главы – показать, что в НПЛ между формами ППФ и ПФ в «плюсквамперфектном» контексте (далее такой контекст и выступающие в нем глагольные формы называются также *ретроспективными*) прослеживается вполне отчетливая функциональная оппозиция.

В **разделе 2.1.** приводятся общие сведения о ПФ и ППФ в древнерусском и обсуждаются различные предлагавшиеся трактовки их употребления. Последние существенно разнятся в зависимости от времени, к которому их авторы относят утрату аориста в разговорном восточнославянском и, соответственно, превращение ПФ в простое прошедшее. Есть две основные концепции: 1) употребление прош. времен в ранних летописях приблизительно отражает ситуацию в разговорном восточнославянском данного периода³¹; 2) «старая» система прош. времен была разрушена у восточных славян уже к началу письменной эпохи³². Как бы то ни было, ни та, ни другая концепция не объясняет функционирование ПФ и ППФ в летописях: в первом случае непонятно, откуда берется значение предпрошедшего у ПФ³³, во втором же следовало бы

²⁹ П.С.Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959. С.121.

³⁰ А.А.Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995. С.157.

³¹ Ср., например: П.С.Кузнецов. Указ. соч.

³² Ср.: Б.А.Успенский. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). München, 1987.

³³ На первый взгляд, его можно было бы трактовать как расширение канонического значения ПФ: будучи формой, обозначающей действие в

ожидать беспорядочного смешения двух форм, чего, как показывает анализ, на самом деле не происходит. Очевидно, чтобы разобраться в этом вопросе, нужно рассмотреть третью возможность, а именно: что употребление ПФ и ППФ не выводится непосредственно ни из эволюции разговорного языка, ни из оппозиции книжный/некнижный узус, но подчиняется неким особым правилам в рамках исследуемого текста.

В разделе 2.2. приводятся основные сведения о НПЛ, существенно расширенные и уточненные благодаря недавним работам А.А.Гиппиуса.

Раздел 2.3. посвящен разбору употреблений ПФ и ППФ в НПЛ: разбираются все употребления ПФ в нарративе и выборочные примеры с ППФ.

Для ПФ, практически не используемого в НПЛ для изложения последовательных событий (в «аористном» контексте)³⁴, основной функцией в рамках связного повествования является ретроспективная – та самая, которая создает конкуренцию между ПФ и ППФ. При этом чаще всего (12 примеров) ретроспективный ПФ отсылает к событиям, уже упоминавшимся в тексте и, следовательно, известным читателю, ср.:

(9) и сѣдѣша новгородци бес кнѣзѣ ·ѿ· маць <...> и послаша по гюргѣ по кнѣзѣ сѣждаю, и не иде, нѣ посла снѣ свои ростислав, оже то и преж быѣ³⁵ (л. 22; 6649/1141)

Здесь летописец напоминает читателю о том, что ситуация, о которой идет речь, повторяет события двухлетней давности, когда Юрий Долгорукий, призванный новгородцами на княжение, также отправил вместо себя сына Ростислава, но тот, просидев в Новгороде всего год и 4 месяца, сбежал, о чем в летописной статье за 1139 г. говорится: вѣ лѣт ·ѿ·ѣ ·мѣ ·приде гюрги кнѣзь исѣждаа смольнскѣ и зваше новгородѣце на кыевѣ на всѣволодка, и не послѣшаша его, и тѣгда бѣжа ростиславѣ смольнскѣ кѣ оцѣ из

прошлом, результаты которого сохраняются в момент речи, он может использоваться и для обозначения действия, актуального для некоторого момента в прошлом. Однако, как показала Э. Кленин (Указ. соч.), ретроспективный ПФ чаще всего имеет значение *не-результативное, не-актуальное*, а следовательно, не выводимое простым путем из его канонического значения.

³⁴ За исключением – с некоторыми оговорками – лишь трех форм в заключительных фрагментах летописи.

³⁵ При цитировании НПЛ используется электронный текст летописи, подготовленный А.А.Гиппиусом и В.С.Голышенко. Знаки препинания расставлены мной.

новагорода септѣра ·ā· сѣдѣвъ въ новѣгородѣ ·ī· лѣт и ·ā· мацѣ³⁶ (л. 20-20 об.; 6647).

В свою очередь, следующий фрагмент отсылает к тексту примера (9), т.е. к летописной статье за предыдущий год, ср.:

(10) въ лѣт ·ġ·ē·ġ·ī· епѣтъ и кѹпце и слы новгородскыя не пѹщахѹ из рѹси, и они не хотѣхѹ иного кнѣзѣ развѣ стѹпѣлка, и вѣда имѣ (киевский князь Всеволод) стѹпѣлка и-своею рѹкѹ вѣротивѣ са гюрги (Юрий Долгорукий), оже пѹстилъ снѣ свои (Ростислава) новѹгородѹ (л. 22-22 об.; 6650/1142)

Свойственная ПФ функция «отсылки»³⁷ предполагает не только знание предыдущего текста: источником информации может быть фонд общих знаний («модель мира») читателя и пишущего или логическая инференция (таких примеров в НПЛ отмечено б), ср.:

(11) в лѣт ·ġ·ē·w·k̄v· избиша корѣла городчанѣ, кто былѣ рѹси в корѣльскомѣ городкѣ, и вѣведоша к собѣ нѣмецѣ (л. 158; 6822/1314)

Хотя Корельский городок (на западном берегу Ладожского озера) упоминается в НПЛ впервые, сообщение строится таким образом, как будто читателю должно быть известно о его существовании и том, что в нем жили русские.

В терминах современной семантики, речь идет о том, что сведения, сообщаемые ПФ, составляют *прагматическую пресуппозицию*, т.е. суждение, которое говорящий/пишущий считает само собой разумеющимся, в частности, известным слушателю/читателю³⁸. Этим объясняется тот факт, что большинство ПФ в нарративе НПЛ встречается в рестриктивных относительных придаточных, специально предназначенных для передачи таких суждений³⁹.

³⁶ В летописи по ошибке сказано, что Ростислав просидел в Новгороде *восемь* лет и 4 месяца. Вообще говоря, речь идет об одном из драматических периодов в истории Новгорода, когда был изменен порядок призвания князей, так что летописец, очевидно, обращает внимание на «дурную» повторяемость одной и той же ситуации.

³⁷ Данная функция ПФ отмечалась исследователями, но не анализировалась подробно, ср.: Е.С.Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи // Известия Отделения Русского Языка и Словесности, т. 24 (1919 г.), кн. 2, 1923; т. 26 (1921 г.). С.114; С.Н.van Schooneveld. A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System. The Hague, p. 165; Е.Кленин. Указ. соч. С.334.

³⁸ Ср.: Е.В.Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 2001 (1985). С.57-60.

³⁹ Е.В.Падучева. О семантике синтаксиса. М., 1974. С.139.

Напротив, ППФ в НПЛ как правило сообщает о новых событиях, часто неожиданных, резко меняющих положение дел, ср.: (12) и тако възспатиша сѧ от города и үзрѣша иныи полчищѣ свинью великүю, котораѧ баше вразила сѧ въ возники новгородскыѣ (л. 146-146 об.; 6776)⁴⁰

Особенно показательны фрагменты, где ПФ и ППФ непосредственно сталкиваются в рамках описания одной и той же ситуации, ср.:

(13) и сѣдѣша новгородци бес кнѣза ·ѡ· маць и призваша исѣждала сѣдилу, нежатю, страшка, оже бѣху бѣжали из новгорода стѣслав дѣла и акүна, и даша посадничество сѣдилу новѣгородѣ и послаша по гюргѧ по кнѣза сѣждалью, и не иде, нѣ посла снѣ свои ростислав, оже то и прѣж бых (л. 22; 6649)

О событиях, связанных с Ростиславом, читателю хорошо известно, ср. пример (9); напротив, о Судиле, Нежате и Страшке, равно как и об их побеге из Новгорода, предшествующий текст умалчивает, и, по-видимому, летописец не предполагает этих знаний у читателя.

В целом анализ материала обнаруживает между формами ППФ и ПФ в НПЛ довольно отчетливое противопоставление, реализующееся на следующих уровнях:

1) дискурсивно-прагматические функции: ПФ передает известную информацию, ППФ – новую; отсюда первый представляет «фон» (background), а второй – основную линию (foreground) повествования;

2) коммуникативная ситуация: ПФ имплицитно вводит в повествование фигуры рассказчика и читателя, апеллируя к их знаниям, в отличие от ППФ, остающегося в рамках «плана истории» по Бенвенисту;

3) аспектуально-темпоральные значения: ППФ почти всегда имеет результативное значение, ПФ же не маркирован по этому признаку, хотя в большинстве случаев указывает на событие, результат которого не сохраняется в момент референции; это отчасти связано с тем, что событие, обозначенное ПФ, обычно дальше отстоит во времени от «точки отсчета», чем событие, обозначенное ППФ;

4) синтаксические конструкции: ПФ употребляется преимущественно в относительных придаточных, ППФ – в других типах придаточных (прежде всего причинных), а также в независимых предложениях.

⁴⁰ Этот пример примечателен также употреблением ППФ в контексте не книжного местоимения *который*, что, по-видимому, свидетельствует против предположения о стилистическом выборе между формами ПФ и ППФ.

До сих пор речь шла о книжной форме ППФ⁴¹, используемой главным образом в стандартном и гибридном церковнославянском: в некнижном языке представлен так наз. «русский ППФ». В **разделе 2.4.** обсуждается вопрос о том, в какой степени отмеченные особенности книжного ППФ могли быть связаны с присутствием в языковом сознании летописцев категории «русского ППФ».

Решение данного вопроса осложняет недостаточная изученность «русского ППФ». Известно, что он состоял из вспомогательного глагола в форме перфекта и причастия прошедшего времени, указывал на «действие или состояние, впоследствии (не обязательно в прошлом!) «отмененное» или нереализованное, прерванное и т. п.»⁴², а также мог употребляться в начале рассказа⁴³; предполагается, что из этой формы произошла современная конструкция типа *решил было*⁴⁴. Неясными, однако, остаются многие аспекты семантики «русского ППФ», его происхождение, равно как и то, каким образом и когда из него возникла конструкция с *было* (если согласиться с тем, что такое развитие имело место).

Подробное исследование этих вопросов не входит в задачи реферируемой работы. Стоит отметить, однако, что семантика и история «русского ППФ» значительно проясняются в свете недавних работ по типологии ППФ В.А.Плунгяна и Д.В.Сичиनावы⁴⁵. Оказывается, что формы, аналогичные «русскому ППФ», обнаруживаются в целом ряде европейских языков, причем – что самое любопытное – сходство носит не только формальный характер: эти показатели объединяет то, что все они могут передавать значение «аннулированного результата», а для некоторых оно является основным (ср. характерное для «русского ППФ» значение «отмененного» действия). Речь идет о так наз. сверхсложных формах типа французского *passé surcomposé* (*j'ai eu lu*): последний в литературном языке имеет относительное значение, но в южных диалектах французского обозначает действие с

⁴¹ На самом деле книжный ППФ представлен двумя парадигмами, использующими разные формы вспомогательного глагола, но в данном случае от этого можно отвлечься и условно говорить об одной «книжной» форме ППФ.

⁴² Г.А.Хабургаев. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1978, № 4. С.51 (разрядка Г.А.Хабургаева).

⁴³ А.А.Зализняк. Древненовгородский диалект. С.158.

⁴⁴ См.: Г.А.Хабургаев. Указ. соч.

⁴⁵ В.А.Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В.А.Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики: Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001. С.50-88; Д.В.Сичинова. Типология глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта (неопубликованная дипломная работа). МГУ, 2002.

аннулированным результатом или «прекращенную ситуацию». Аналогичные формы отмечены, например, в сербохорватском и цюрихском диалекте немецкого. Существенно, что, судя по наблюдениям, развитие таких форм обычно совпадает с той стадией эволюции временной системы, когда начинается постепенное вытеснение аориста перфектом и, как следствие, разрушение системы последовательности времен⁴⁶: это означает, что само наличие сверхсложной формы в языке косвенно указывает на то, что соответствующие процессы в нем уже происходят (а возможно, даже завершились).

Семантическое соотношение между разговорным и книжным ППФ по-разному трактуется исследователями. Так, если Г.А.Хабургаев⁴⁷ подчеркивал сходство между двумя формами (приводя примеры из летописей, где книжный ППФ обозначает действие, «отмененное» последующим ходом событий), то А.А.Зализняк⁴⁸, напротив, указывает на различия между ними, отмечая, что если в летописях ППФ почти всегда функционирует как относительное время, то в некнижной письменности он чаще всего встречается в таких контекстах, где в книжном языке ожидался бы аорист. На наш взгляд, оба подхода отчасти справедливы и дополняют друг друга. Действительно, книжный ППФ, в отличие от «русского ППФ», как правило имеет относительное (таксисное) значение, однако используется (по крайней мере, в НПЛ) только для сообщения новой информации, и это сближает его с «русским ППФ», который по определению передает только новую информацию⁴⁹. С другой стороны, книжная форма, подобно разговорной, может обозначать действие с недостигнутым или аннулированным результатом (такие примеры есть и в НПЛ), но в то же время она свободно образуется, например, от глаголов типа *умьрѣти*, *убити* – в контекстах, не оставляющих сомнения в необратимости соответствующих событий. Таким образом, и сходства, и различия между двумя формами относительны: налицо довольно сложное взаимодействие между разговорным и письменным языками.

⁴⁶ Так, во французском *passé surcomposé* вошел в употребление в XVI в., когда в разговорном языке *passé composé* стал вытеснять *passé simple*.

⁴⁷ Указ. соч.

⁴⁸ Указ. соч. С.158.

⁴⁹ Сама его семантика подразумевает неожиданность, нарушение ожиданий адресата: действие, которое в нормальном случае должно было успешно осуществиться, в силу каких-то внешних обстоятельств либо прекращается, не достигнув результата, либо перечеркивается последующими действиями (событиями).

В НПЛ с ППФ конкурирует не только ПФ, но также аорист и (значительно реже) имперфект. Этому вопросу посвящен **раздел 2.5.** Как показывает материал НПЛ, в выборе между ППФ и ПФ, с одной стороны, и простыми претеритами, с другой, значительную роль играет «стилистический» фактор (т.е. содержание фрагмента и/или тип текста, к которому он принадлежит). Так, ретроспективный аорист⁵⁰ нередко встречается в сообщениях церковного характера (о смерти духовного лица, об иконах и т.п.), а также во вставных повестях – о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. (здесь же встретился имперфект в «плюсквамперфектном» значении) и о битве на Калке.

Выбор этих контекстов, видимо, не случаен. Как отмечала еще Е.С.Истрина⁵¹, язык вставных повестей (особенно ПВЦ) отличается от основного текста НПЛ большей «книжностью». Можно предположить, что использование ретроспективных аориста и имперфекта в наиболее «книжных» фрагментах летописи (как сообщениях церковного характера, так и вставных повестях) обусловлено влиянием церковнославянских переводов с греческого: в греческом языке (как древнем, так и византийском) в «предпрошедшем» употреблялся аорист, в то время как функции ППФ ограничивались передачей состояния, отнесенного в прошлое⁵². Эта особенность, видимо, находила отражение в церковнославянских переводах, а следовательно, и в некоторых оригинальных восточнославянских текстах (как полагают, к ним относится и Повесть о взятии Царьграда), для которых образцом служил «престижный» язык переводов. Следует отметить, что употребление ПФ и ППФ во вставных повестях также отклоняется от того, что находим в основном тексте НПЛ⁵³.

⁵⁰ При нем часто встречается эксплицитное указание на предшествование – наречие *преже*, что естественно, поскольку аорист обычно используется в летописи для изложения последовательных событий.

⁵¹ Указ. соч. С.199. Ср.: «Вставные повести написаны в общем языке, более сложным по конструкциям предложений, часто языком витиеватым... Далее, в вставных повестях встречаются некоторые особенности, которые могут быть отнесены к церковнославянскому влиянию и которые наблюдаются также в религиозных рассуждениях и отдельных выражениях, заимствованных из церковнославянской письменности».

⁵² Ср.: И.А.Перельмутер. Статив, результатив, пассив и перфект в древнегреческом языке (язык Гомера) // В.П.Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983. С.142-148.

⁵³ В одном случае аорист в НПЛ указывает на событие, предшествующее другому событию, обозначенному ППФ.

В разделе 2.6. обнаруженное в НПЛ противопоставление между ПФ и ППФ анализируется в свете типологических данных, указывающих на то, что ситуация в НПЛ не столь необычна, как может показаться на первый взгляд, и в то же время привлекающих внимание к новым аспектам проблемы.

Так, выше отмечалось, что ретроспективный ПФ в НПЛ чаще всего выступает в относительных придаточных. Это явление, по нашим наблюдениям, находит аналогию в самых разных языках, где в том же типе придаточных «вместо» ППФ регулярно употребляется простое прошедшее⁵⁴, и имеет достаточно очевидное прагматическое объяснение. Дело в том, что ППФ как правило указывает на предшествование данного события в прошлом другому, т.е. локализует его на временной оси повествования, но в такой локализации нуждается *новое*, впервые упоминаемое событие, в то время как *известное* событие, тем самым, *уже* локализовано во времени. Поскольку значение относительного придаточного включает презумпцию известности того, о чем говорится, адресату, ППФ в данном случае избыточен.

Эта сторона семантики ППФ, насколько можно судить, не рассматривалась в типологическом плане. Между тем, можно найти тексты, поразительно напоминающие НПЛ по характеру употребления ППФ. Так, в исследованном Ф.Клейн-Андреу⁵⁵ испанском романе 1-ой пол. XIV в. конкурируют две формы ППФ – старая синтетическая форма на *-ra*, восходящая к латинскому ППФ (*cantaveram*), и новая аналитическая, причем первая чаще указывает на уже известную информацию, а вторая – на новые для читателя события. Как можно видеть, эти две формы связывают те же отношения, что и ПФ и ППФ в НПЛ.

Однако сходство между испанской формой на *-ra* и древнерусским ПФ на этом не заканчивается. По наблюдениям Клейн-Андреу, форма на *-ra* употребляется главным образом в трех типах контекстов: 1) относительные придаточные; 2) отрицание; 3) при передаче фонового состояния. Об относительных придаточных уже говорилось в связи с летописным ПФ, но ему не чужды и оставшиеся два контекста (при этом речь идет не только о состояниях, но об имперфективных контекстах вообще, включая процессы). Ср. пример с отрицанием:

⁵⁴ Ср., например, английскую фразу: *John ate the fish that I caught*.

⁵⁵ F.Klein-Andreu. Losing ground: A discourse-pragmatic solution to the history of *-ra* in Spanish // S.Fleischman & L.Waugh (eds.). Discourse-Pragmatics and the Verb: The Evidence from Romance, L.: Routledge, 1990, pp. 164-178.

(14) и тако поидоша противу собѣ, и ако състѹпиша са, быс
страшно побоище, ако не видали ни оци, ни дѣди (л. 144 об.;
6776),

процесс:

(15) на то ж лѣт идоша даньници новгородьстии въ малѣ, и
учювь гюрги, оже въ мале шли, и посла кнѣзѣ берладьскаго съ
вон (л. 26-26 об.; 6657)

Все три типа контекстов объединяет принадлежность к «фону» повествования (background): для имперфективных контекстов эта функция вполне естественна, относительные придаточные не сообщают новой информации, а отрицание понижает коммуникативный статус сообщения. В современном испанском форма на *-ra*, бывший ППФ индикатива, относится к сослагательному наклонению: по мнению Клейн-Андреу, текст XIV в. отражает процесс постепенной утраты ею ассертивного статуса, в конечном счете приведший к полному вытеснению этой формы из системы индикатива⁵⁶. Таким образом, по Клейн-Андреу, семантическая эволюция формы на *-ra* имеет следующий вид:

индикатив → «фон» → *ирреалис*

Любопытно сравнить эту гипотезу с предложенной Э.Кленин⁵⁷ концепцией семантического развития ПФ в восточнославянском. По ее мнению, в Лаврентьевской летописи отражен промежуточный этап эволюции этой формы – уже нет результативного значения, но еще нет аористного; при этом его употребление ограничено фоновыми контекстами (background), выключенными из нарративной последовательности. Очевидно, что последний пункт согласуется с данными НПЛ. Э.Кленин, ссылаясь на статью В.В.Бородич⁵⁸, объясняет такое употребление ПФ изначально присущей ему в праславянском модальной семантикой⁵⁹. Таким образом, по Кленин, семантическое развитие восточнославянского ПФ выглядит так:

⁵⁶ Эту точку зрения поддержала Дж.Байби, см.: J.L.Bybee, R.Perkins, W.Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994, pp.234, 240.

⁵⁷ Указ. соч.

⁵⁸ В.В.Бородич. К вопросу о значении перфекта в болгарском языке // Славянская филология. Сборник статей. Вып. 4, 1963. С. 3-31.

⁵⁹ Неассертивные, «фоновые» высказывания как бы слабее связаны с реальным миром, менее актуальны, отсюда нередкое в языках использование одного грамматического показателя для передачи как фоновой, так и ирреальной семантики.

ирреалис (в частности, эвиденциальные значения) → фоновые контексты («неактуальный перфект») → индикатив (нарративная последовательность)

Как можно видеть, эта схема почти зеркально противоположна предложенной Клейн-Андреу концепции развития испанской форма на *-ra*, при том что в обоих случаях семантическим «мостом», по которому соответствующая форма переходит из сферы индикатива в сферу ирреалиса и наоборот, служит ее употребление в фоновых контекстах. Между тем, гипотеза Клейн-Андреу согласуется с типологическими данными, указывающими на то, что для «старых», т.е. в высокой степени грамматикализованных, показателей (таких как испанская форма на *-ra*) характерны синтаксические употребления (в различных типах придаточных) и сдвиг в сторону ирреальной модальности. Напротив, «молодые» формы, находящиеся в начале пути грамматикализации (как, например, аналитический ППФ в тексте, изученном Клейн-Андреу), как правило, используются в ассертивных высказываниях, относящихся к сфере индикатива⁶⁰.

Гипотеза Э.Кленин о развитии восточнославянского ПФ явно противоречит данной теории. Значит ли это, что теория неверна? По-видимому, нет. Дело в том, что между двумя концепциями есть принципиальная разница: теория грамматикализации рассматривает процессы в живом языке, а наблюдения Кленин относятся к гибриднему языку восточнославянских летописей, устройство и развитие которого значительно отличаются от того, что мы привыкли видеть в живых языках. Прежде всего, для летописей характерна ориентация на образцовые тексты, обладающие культурной значимостью⁶¹. Отсюда возникают разные «приоритеты»: разговорный язык, для которого основной является коммуникативная функция, отдает предпочтение более выразительным «молодым» формам, отодвигая на «задний план» слишком многозначные «старые»; напротив, летописный язык, выполняющий в первую очередь культурную функцию, придает первостепенное значение «старым» формам (таким как аорист, имперфект, книжный ППФ), ограничивая употребление «новых» (например, препятствуя проникновению ПФ в нарратив).

Отсюда поведение ПФ в летописном языке оказывается достаточно неожиданным с точки зрения обычных представлений о грамматикализации глагольных показателей: если в разговорном языке сужение использования того или иного показателя до

⁶⁰ Ср., например: J.L.Bybee et al. Указ. соч.

⁶¹ См.: В.М.Живов. Usus scribendi...

фоновых контекстов указывает на близкое окончание его грамматикализационного цикла и постепенное вытеснение из системы индикатива (скорее всего, под давлением пришедшей на смену новой формы), то в летописном языке возрастающее использование перфекта для передачи “backgrounded information” – не закат, а начало жизни этой формы в рамках летописной письменной традиции, которое приведет сперва к спорадическому, а затем и к регулярному употреблению ее в нарративе. Перфект (л-форма) проникает в летописный язык как бы через «черный ход» и отвоевывает себе все большее пространство за счет вытеснения традиционных книжных форм – аориста, имперфекта, ППФ.

В **Приложении** ко второй главе приведен список примеров со всеми имеющимися в НПЛ формами книжного ППФ; отдельные примеры снабжены кратким комментарием.

Глава 3. Нарративная стратегия и употребление глагольных времен в Пискаревском летописце 1-ой пол. XVII в.

Позднее летописание – малоизученный, но исключительно важный источник по истории русского языка. В частности, оно интересно тем, что позволяет наблюдать развитие языковых тенденций, первые ростки которых отмечены нами в ранних летописных памятниках (главы 1 и 2 диссертации).

В **разделе 3.1.** обсуждаются наиболее важные с лингвистической точки зрения особенности поздних летописей и формулируются задачи, решению которых посвящена третья глава. Основные понятия здесь – лингвистическая гетерогенность и нарративная стратегия: в обычном летописном своде XVII в., где рассказ начинается с библейских времен и заканчивается царствованием Алексея Михайловича, на протяжении текста существенным изменениям подвергаются не только язык, но и сами принципы повествования, в том числе его коммуникативная структура. Оба указанных понятия тесно связаны: языковая разнородность летописи подразумевает использование различных нарративных стратегий. Более того, как свидетельствует материал Пискаревского летописца (ПЛ), способ изложения событий во многом определяет выбор языковых средств, причем не только синтаксических, но и морфологических. В этом смысле особенно показательным является употребление видо-временных форм: при выборе той или иной из них (например, в случае конкуренции между СВ и НСВ, «книжной» и «некнижной» временной формой) часто оказываются релевантными те же факторы, что и при выборе нарративной стратегии в целом. Именно эта взаимосвязь представляет наибольший интерес.

В **разделе 3.2.** дается краткая характеристика ПЛ. Датированный приблизительно 1645 г.⁶², он начинается с рассказа о расселении потомков Ноя и заканчивается сообщением о воцарении Алексея Михайловича. Пропуск сведений за 1431-1534 гг. (по словам летописца, «списать было не с чего: по великой нуже книги подлинной не было») естественным образом делит летопись на две части: первая представляет собой текст общерусского летописного свода, открывающийся ПВЛ с примесью известий из новгородских источников⁶³, в основу второй положен текст, близкий к Никоновской летописи, а также другие источники, например, «выписки, основанные на воспоминаниях некоего москвича»⁶⁴. В языковом плане две части ПЛ отчетливо различаются: в первой преобладают простые претериты, во второй – *л*-формы.

Для удобства рассмотрения в каждой части выделены несколько фрагментов, список которых приводится в **разделе 3.3.** В основу сегментации положены два основных принципа: цельность содержания фрагмента и относительное единообразие его лингвистических характеристик (второе обычно связано с первым). Так, если основной текст ПЛ написан на гибридном церковнославянском с использованием как простых претеритов, так и *л*-форм, то в последнем фрагменте, рассказывающем о Смутном времени, *л*-формы абсолютно доминируют (около 90%).

Раздел 3.4. представляет таблицу, содержащую статистические данные об употреблении аориста, имперфекта и *л*-форм в ПЛ и включающую все выделенные фрагменты за исключением последнего (Смута), требующего отдельного рассмотрения. Для всех форм учитывается характер видовой основы, а для простых претеритов также наличие или отсутствие в ней приставки. По сути вся третья глава посвящена интерпретации данных таблицы.

Раздел 3.5. посвящен вопросу о том, что говорят данные таблицы относительно употребления в ПЛ простых претеритов, образованных от разных типов глагольных основ. Наибольшую функциональную нагрузку в летописной системе прошедших времен несут бесприставочные основы НСВ: на их долю приходится подавляющее большинство имперфектов и значительное количество аористов, в то время как другие типы основ, как правило, жестко привязаны к одной из этих форм. При этом функциональная

⁶² Т.В.Дианова. К вопросу о времени создания рукописи Пискаревского летописца // Летописи и хроники. М.Н.Тихомиров и летописеведение. М., 1976.

⁶³ А.Н.Насонов. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969. С.360.

⁶⁴ О.А.Яковлева. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР, т. II. Документы по истории XV-XVII вв. М., 1955. С.7-144.

активность данного типа основ обратно пропорциональна его количественной пропорции: приставочных основ в ПЛ в 4 раза больше, чем бесприставочных, а основ СВ в 6 раз больше, чем основ НСВ.

Раздел 3.6. показывает, что пропорции временных форм в ПЛ могут меняться в зависимости от содержания и/или типа текста. Так, наивысший процент имперфектов в I части ПЛ встречается в трех группах текстов: 1) описания различных бедствий, моров и т.д.; 2) описания войны, особенно осады города (ср. воинскую повесть); 3) жития святых. Рекордное количество имперфектов находим в житии Дмитрия Донского: аористы СВ составляют здесь менее 50% форм прошедшего времени (средний показатель в I части ПЛ – 80%), бесприставочные и приставочные имперфекты НСВ – соответственно 29,8% и 10,5% (в несколько раз выше среднего). Кроме того, только здесь обнаруживается приставочный имперфект СВ (4 формы) и приставочный аорист НСВ (3 формы). В данном случае экспансия имперфекта и НСВ обусловлена тем, что в тексте большую роль играет перечисление многократно повторявшихся деяний князя, ср.:

(16) (Дмитрий) князя руския области своей крепляше, вельможам своим тихоуветлив в наряде бываше, никого же не оскорбляше, в младых словеса наказаше и всем вдоволь подоваше, к требующим руце простирааше (л. 373 об.-374)

В **разделе 3.7.** рассматривается формирование новой нарративной стратегии, характерной для позднего русского летописания. В полной мере она проявляется во II части ПЛ, но признаки перехода к иному построению повествования явно просматриваются уже в последнем фрагменте I части (девятом). Этот фрагмент особенно интересен тем, что хронологически он относится к концу XIV – началу XV вв., т.е. ко времени создания первых общерусских летописных сводов; таким образом, его отличия от предыдущего текста ПЛ могут объясняться выработкой новых подходов к летописному делу вообще.

Характерна сама структура этого фрагмента: в основном он состоит из коротких отрывочных сообщений, многие из которых предваряются кратким заголовком. Бросается в глаза различная география упоминаемых событий, очевидно, обусловленная тем, что у составителя летописи появился доступ к большому числу источников из самых разных мест. Самой яркой лингвистической особенностью IX фр. по сравнению с предыдущим текстом является увеличение пропорции л-форм более, чем в два раза. Следует отметить также увеличение пропорции имперфектов, образованных от вторичных имперфективов: как уже говорилось, в более ранних

фрагментах имперфект образуется в основном от простых (бесприставочных) основ НСВ; очевидно, автор IX фр. последовательнее, чем его предшественники, применяет правило, в соответствии с которым аористы образуются от глагольных основ СВ, имперфекты – от основ НСВ, а фактор письменной традиции, ограничивавший действие данного правила, для него имеет несколько меньшее значение. В целом IX фр. может в языковом плане рассматриваться как переходное звено между I и II частями ПЛ.

Во II части ПЛ в полную силу проявляются те тенденции развития летописного языка, первые признаки которых были нами отмечены уже в древнейших памятниках. Это выражается не только в общем расширении доли *л*-форм в повествовании (I часть – 7%, II часть – 75%), но и в том, как именно происходит это расширение. Как и в древнейших летописях, разбиравшихся в первой и второй главах диссертации, экспансия *л*-форм прежде всего затрагивает фоновые контексты. Поскольку в этом отношении данные ПЛ вполне согласуются с данными Мазуринского летописца конца XVII в. (МЛ)⁶⁵, можно думать, что мы имеем дело с общей для языка позднего русского летописания тенденцией.

Так, по наблюдениям В.М.Живова⁶⁶, в МЛ «*л*-формы вытесняют имперфект в несколько большей степени, чем аорист (динамика имперфекта: от 10,2% к 6,3%, к 2,2%; динамика аориста: от 86,2% к 72,3%, к 23,2%)». Аналогичная динамика обнаруживается и в ПЛ, ср.: имперфект: 9,8% (I-VIII фр.) → 5,2% (IX фр.) → 1,2% (X-XIII фр.); аорист: 84,8% → 83,1% → 24,3%. Первые примеры вытеснения имперфекта *л*-формами отмечались нами уже в ранних летописях, ср. пример (15). Очевидно, это явление объясняется тем, что имперфект обычно (т.е. за исключением тех случаев, о которых говорится в I главе диссертации) используется в фоновых контекстах, т.е. тех самых, где (в силу изложенных выше причин) вероятность употребления *л*-форм наиболее высока.

Однако «фоновые» употребления, являясь безусловно одним из основных механизмов экспансии *л*-форм начиная с древнейших летописных памятников, не объясняют другого чрезвычайно важного совпадения между МЛ и ПЛ: как обнаружил В.М.Живов, в МЛ от ранних фрагментов к поздним заметно увеличивается пропорция форм НСВ (в последней части МЛ этот показатель примерно на 10% выше, чем в предыдущем тексте). Иными словами, доля форм НСВ прош. увеличивается параллельно с экспансией *л*-

⁶⁵ В.М.Живов. Usus scribendi...

⁶⁶ Ibid. С.61.

форм. Более того, первое непосредственно обусловлено вторым: в МЛ «пропорция форм НСВ вида у *л*-форм приблизительно на 20% выше, чем у простых претеритов»⁶⁷. Отсюда можно заключить, что «в летописной письменной традиции изложение, пользующееся *л*-формами, в большей мере способствовало употреблению НСВ вида, чем изложение, пользующееся простыми претеритами»⁶⁸. Данные ПЛ подтверждают это наблюдение: так, в XIII фр. пропорция форм НСВ на 10% выше, чем в I фр.

Этот феномен не связан с вытеснением *л*-формами имперфекта: в противном случае наблюдалось бы лишь перераспределение глаголов НСВ между этими формами, а не рост пропорции по отношению к общему числу претеритов. Этот рост имеет другой источник: судя по материалу ПЛ, а также по примерам из МЛ, которые приводит В.М.Живов, в позднем летописании начинают широко использоваться глаголы с общефактическим значением НСВ, довольно редко встречающиеся в ранних текстах.

Ключ к разгадке этого явления дает работа Е.В.Падучевой⁶⁹, где показана принципиальная зависимость интерпретации русского НСВ от «точки отсчета»: при синхронной точке отсчета НСВ имеет актуально-длительное значение, при ретроспективной – общефактическое. Синхронная точка отсчета, по Падучевой, характеризует нарративный режим интерпретации, а ретроспективная – речевой. «Нарративный режим (эпический стиль) характеризуется тем, что отношение текста к речевой ситуации, а следовательно, и к моменту речи, для него не существует»⁷⁰, в отличие от речевого режима; ср. известное противопоставление плана речи и плана повествования по Бенвенисту⁷¹.

В таком случае, экспансия НСВ общефактического в позднем русском летописании сигнализирует о принципиальном изменении коммуникативной структуры повествования: эпический стиль, где, по выражению Бенвениста, «события рассказывают о себе сами», сменяется речью рассказчика, смотрящего на описываемые события с точки зрения своего настоящего.

Чрезвычайно любопытно, что именно для НСВ общефактического (который «не вписывается» в рамки традиционного летописного повествования) как правило выбираются *л*-формы, а не простые претериты: это означает, что одной из причин широкой экспансии *л*-форм в позднем летописании

⁶⁷ Ibid. С.69.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Е.В.Падучева. Семантические исследования...

⁷⁰ Ibid. С.13.

⁷¹ Э.Бенвенист. Указ. соч.

является возникновение новых коммуникативных задач – иными словами, новой нарративной стратегии.

Раздел 3.8. посвящен вопросу о том, чем обусловлено формирование новой нарративной стратегии в летописях. Представляется, что оно отражает принципиальное изменение в отношении к летописному делу и к истории вообще. Если в основе традиционного древнерусского летописания (ср. Повесть временных лет) лежат средневековые представления об истории как едином целенаправленном потоке событий⁷², который должен быть изображен летописцем как бы с точки зрения Провидения, а не человека, то в поздних летописях, напротив, земной, человеческий взгляд приобретает решающее значение и становится «точкой отсчета», вплоть до того, что история могла «переписываться» в связи с текущими политическим катаклизмами⁷³.

Этот поворот в истории русского летописания можно сравнить с изменением изобразительной техники в живописи на заре нового времени. Действительно, два «плана сообщения» (по Бенвенисту), или два «режима интерпретации» (по Падучевой), очень напоминают обратную и линейную перспективы в живописи: при обратной перспективе, характерной для средневековой религиозной живописи, художник находится как бы внутри картины, внешний наблюдатель отсутствует; в случае же линейной перспективы живописец и зритель отделены от изображаемого, «точкой отсчета» для живописца становится его собственный взгляд. Речевой и исторический планы сообщения также различаются прежде всего наличием или отсутствием фигуры говорящего (рассказчика) в тексте, что и определяет выбор нарративной техники (стратегии). Можно предположить, что в обоих случаях представлена одна и та же тенденция, состоящая в возрастании личного, авторского начала в культуре в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени и приведшая в конечном счете к смене всей культурной парадигмы.

В заключении подводятся итоги исследования. Основной вывод состоит в том, что представленная в древнерусских летописях система прошедших времен обнаруживает постепенную эволюцию на протяжении всей истории летописной традиции. Этот процесс лишь косвенным образом связан с изменениями в разговорном языке, но, тем не менее, носит вполне осмысленный, системный характер, демонстрируя последовательное усиление определенных тенденций развития летописного языка от древнейших памятников

⁷² Ср.: А.Я.Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972. С.108-109.

⁷³ Ср.: А.А.Зимин, А.Л.Хорошкевич. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С.161.

до самых поздних. Особая роль здесь принадлежит дискурсивно-прагматическим свойствам видо-временным форм. Так, уже в древнейших летописных текстах перфект вне прямой речи в основном встречается в «фоновых» контекстах; позднее эта тенденция укрепляется, о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что *л*-формы вытесняют имперфект быстрее, чем аорист, т.е. тяготеют к имперфективным (по определению фоновым) контекстам. С другой стороны, использование перфекта в ранних летописях связано с обращением рассказчика к читателю (ср. функцию «отсылки» к известной информации): эта линия также находит продолжение в позднем летописании в виде широкой экспансии форм НСВ общефактического, которая, в свою очередь, указывает на принципиальное изменение нарративной стратегии, используемой летописцами.

Проделанная работа позволяет также сформулировать следующие выводы:

1. В восточнославянских летописях имперфект мог иметь ингрессивное значение. Данная черта отличает его от форм НСВ современного русского языка.
2. Между формами плюсквамперфекта и перфекта в «плюсквамперфектом» значении в Новгородской первой летописи по Синодальному списку имеет место достаточно отчетливое дискурсивно-прагматическое противопоставление: плюсквамперфект относится к основной линии повествования (*foreground*), сообщая о новых событиях; перфект отсылает читателя к уже известной информации (*background*). Это противопоставление лежит в основе целого ряда различий в употреблении двух форм – аспектуальных, темпоральных, синтаксических, модальных.
3. Определенное влияние на семантику книжного плюсквамперфекта, по-видимому, оказывает разговорный «русский плюсквамперфект», хотя в употреблении двух форм имеются как сходства, так и различия: книжная форма, подобно «русскому плюсквамперфекту», может обозначать действие с недостигнутым или аннулированным результатом, но, в отличие от последнего, она также может передавать результативные действия.
4. Аорист и имперфект в плюсквамперфектной функции обычно используются в текстах, характеризуемых более высокой (по сравнению с обычным летописным повествованием) степенью «книжности».
5. Проникновению «некнижного» перфекта в летописное повествование в качестве полноправной нарративной формы

предшествовало его все более интенсивное использование для передачи фоновой информации. В этом смысле развитие летописного языка противоположно грамматикализационным процессам в живых языках, где, напротив, фоновые употребления характерны для «старых» форм, вытесняемых из системы индикатива.

6. Лингвистическая гетерогенность древнерусских летописей обусловлена не столько изменениями в разговорном языке, сколько сменой нарративной стратегии, которую используют летописцы. Переломным в этом отношении, видимо, был XV в. – эпоха составления общерусских летописных сводов. Этот феномен представляет интерес с культурологической точки зрения.
7. В то время как в большинстве исследований, посвященных языку древнерусского летописания, основное внимание уделяется противопоставлению книжных и некнижных элементов, настоящая работа показывает, что в развитии летописной системы прошедших времен весьма важную роль играла видовая семантика, которую обычно не связывают с оппозицией книжного и некнижного языков.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Нарративная стратегия и употребление глагольных времен в русской летописи XVII века // Вопросы языкознания, 1996, №4. С. 62-84.
2. *Syntaxis verbi*. Консекутивный имперфект в ранних восточнославянских летописях // Русский язык в научном освещении, 2001, №1. С. 219-238.
3. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // *Russian Linguistics* (в печати), 2,2 а.л.
4. Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // В.А.Плунгян (ред.), Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальная модальность (в печати), 0,9 а.л.